

Садыева Надежда Сырен-Доржиевна - аспирант кафедры философии БГУ, преподаватель общественных дисциплин Бурятского лесопромышленного колледжа.

Data on author

Tsyrendorzhieva Dari Shoybonovna - doctor of Philosophy sci., professor, head of philosophy department, Buryat State University.

Sadyeva Nadezhda Syren-Dorzhievna - teacher of social science of Buryat forestry college, post-graduate of philosophy department of Buryat State University.

УДК 312.01

ББК 66.02

А.А. Никифоров

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается пространство, в котором формируется такой сложный процесс, как формирование политического образа. Также проводится анализ факторов сознания человека, которые влияют на конструирование данного понятия.

Ключевые слова: власть, образ власти, пространство, властные отношения, сознание.

A.A. Nikiforov

THE SOCIALLY-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF FORMATION OF AN IMAGE OF THE POLITICAL POWER: THE SPACE OF POWER RELATIONS

This article considers the space where is formed such a difficult process as formation of a political image, and also the analysis of factors of consciousness of the person which influence the designing of this concept.

Key words: power, political image, space, power relations, conscience.

Современное состояние демократического общества является крайне стратифицированным в смысле его духовно-политической составляющей, а это коренным образом влияет на расслоение социума на несколько слоев «бытийного» состояния. Процесс формирования образа большей частью зависит от данности в настоящий момент существования объекта власти. Иначе говоря, «Бытие определяет сознание», или, если говорить шире, населению нужен «общественный смысл бытия».

Научная литература полна самых разнообразных определений власти, к ним можно добавить и различные способы употребления данного термина, все это создает довольно много проблем для политико-философской практики. Поэтому представляется правомерным и необходимым идентифицировать власть как многогранный, целостный, универсальный социокультурный феномен, который является продуктом (а не только «целью», «средством») человеческой деятельности, впитавшим в себя ее смысложизненное содержание в том виде, в котором оно выражается в традициях, ценностях и нормах материальной, духовной, правовой, политической культуры общества, а потому в них обретающим свое прочное основание. В этой связи исходное определение - власть как «авторитет всеобщих установлений» [1].

Власть политическая – это такая форма власти, которая устанавливает и регулирует систему отношений в социуме, формирует стратегическое целеобразование общества, сохраняя старую или формируя новую картину мира, мировоззрение,

жизненную позицию и образ жизни. Собираемый образ политической власти формируется в процессе последовательных умозаключений людей, на которых направлена деятельность властных структур.

В данном контексте огромное значение приобретает восприятие власти - сложнейший процесс, определяющий взаимоотношения политической системы и личности [2].

Под образом власти понимается комплексная, социально-обусловленная система представлений о власти, отношений к ней и государственной системе управления.

Иными словами, под пространством власти мы подразумеваем синтетическое философское понятие, социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторически сложившейся совокупностью властных технологий.

Для обнаружения того, что Хайдеггер называет собственным существом пространства, немецкий философ призывает прислушаться к языку, проанализировать этимологию самого этого слова. В слове «пространство» как бы заключено понятие «простор». А это, полагает Хайдеггер, значит нечто просторное, свободное от преград: «Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания» [3]. И вот тут в данный простор вторгается та самая власть, которую мы все знаем, чувствуем и ощущаем.

Власть стремится подчинить себе, стратифицировать все природные и географические среды и

стихий, еще не подчиненные ей; она стремится полностью контролировать все жизненное пространство людей.

Власть не ставит под сомнение собственное право на превращение пространства, населенного живыми людьми и являющегося, между прочим, материальной основой бытия самой власти, в мертвое пространство. В этом смысле власть демонстративно безответственна, ибо она не несет ответственности не только перед теми-кто-под-властью, но и перед своими собственными основаниями. Подобная безответственность власти была ненаказуема и распространялась и на уничтожение людей (геноцид, депортации и т.п.), и на уничтожение природной среды. В известном смысле власть получает пространство нетронутым, присваивает его, стратифицирует и оставляет мертвым. Во всяком случае, это верно для тоталитарной власти [4].

Эффективность действия власти достигается за счет дробления глобальной технологической машины на сотни специализированных машин, дополняющих, поддерживающих, дублирующих друг друга и координирующих действие самых различных технологий. Лишь сумма, совокупность этих машин власти и вся система задействованных ими технологий способны осуществлять функцию пространственного контроля и поддерживать непрерывность воздействия власти, суть которого определил Фуко: надзирать и наказывать.

Пространство власти – это глобальный спектр, стратифицированный властью, «схваченный», скрепленный определенной системой однородных, имеющих общий генезис технологий. На основе подобной макрокосмической технотрактуры вырастает соответствующая система политических и социальных институтов, наиболее глобальным из которых является государство. В известном смысле эта институциональная система может рассматриваться как своеобразная надстройка над системой технологий власти, необходимая для того, чтобы контролировать ее действия. Мы замечаем действие власти прежде всего на этом, институциональном уровне потому, что привыкли считать: власть – это власть политическая, хотя политическая власть – это в лучшем случае один из ликов, одна из масок Власти.

Государство представляет собой своего рода «надстройку» над сложной системой технологий власти, располагающихся на более низком, «базисном» уровне; оно – своего рода сгусток властных технологий, сконцентрированных в одной точке, и эту точку действительно легче «взять», «захватить», чем преобразовать всю систему властных технологий или хотя бы оказать некое формирующее, формообразующее влияние на процесс их эволюции. Оно также является необходимым атрибутом проявления властных отношений в пространстве.

Образ политической власти вырисовывается как определенный синтез между двумя крайними точками: коммуникацией власти и народом.

Для нашей страны характерно весьма противоречивое отношение к власти: с одной стороны, население отвергает действующую власть как источник постоянного давления и угнетения, но с другой стороны – на редкость спокойно и даже покорно переносит все ее притеснения.

Подобное разграничение «социальных» взаимоотношений и положено в основу анализа российского пространства власти как специфического типа «социального» пространства, создающего и воспроизводящего многочисленные ряды географических, «социальных», идеографических и иных образов власти.

При рассмотрении образа власти, существующего в сознании общества, следует учитывать тот факт, что общественное сознание представляет собой сложное многоуровневое, многокачественное образование, обладающее весьма сложной структурой.

Внутренний мир человека, представляя собой целостную структуру человеческой практики, воспринимает власть в связи с основными условиями бытия. «Категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включенных в человеческую деятельность, выступают, – как пишет В.С. Степин, – в качестве базисных структур человеческого сознания» [5].

В процессе повседневной, будничной практики во внутреннем мире человека складываются представления о власти, закрепляющиеся в традициях, правах, обычаях и включающие в себя: накопленный в течение многих веков эмпирический опыт властных взаимодействий и необходимый для этого практический опыт; складывающиеся в повседневной жизни и трудовой деятельности нормы, обычное право, представления о мироздании, о своем положении в системе властной иерархии, потребностях.

Обыденное сознание во все эпохи было источником, питающим развитие различных форм общественного сознания. В ходе концептуализации образа власти идеологи и мыслители во многом развивают категории, сложившиеся в обыденном сознании, опираются на них. Обыденное сознание часто приравнивают к обывательскому, неспособному к творчеству нового. Оно ассоциируется с неразвитыми и неутонченными формами, заранее все знающей о власти «житейской мудрости», ни в чем не сомневающейся. В философской литературе эта традиция восходит к Г.В.Ф. Гегелю, трактовавшему обыденное сознание как вненаучное [7].

Внутренний мир личности, впервые сталкиваясь с феноменом власти, задает логику развития представления о нем на теоретическом, концептуальном уровне. Связь специализированного соци-

ального познания с обыденно-практическими формами освоения действительности через использование семантических ресурсов обыденного языка определяется на всех исторических стадиях развития теоретического социального познания. Рефлексируя бытие власти в нравственном, пространственно-временном измерениях, внутренний мир человека предоставляет своего рода формы, задает категории для дальнейшей теоретической разработки. Развитие осмысления сущности власти в процессе его исторического развития общества идет от обыденного уровня, впервые сопрягающегося с властью как социальным фактом к более развитым научным формам. Субъектом рефлексивного понимания власти может быть не только субъект познания, но и субъект практики.

Отображение феномена власти в сознании общества характеризуется многоплановостью, наличием значительного числа взаимосвязанных категорий. Нельзя не отметить синкретичность социальной психологии, где политические, правовые, нравственные, религиозные, наивно-мировоззренческие взгляды слиты. Поэтому восприятие феномена власти всегда носит синкретический, комплексный характер. В этой связи восприятие власти во внутреннем мире человека органично связано прежде всего с понятием веры, доверия к последней. В традиционном обществе, когда доминирует религиозное мировоззрение, категория веры оказывается стержневой в сознании власти.

Формируясь на основе несистематических наблюдений в обстановке психологического климата, создававшегося теми взаимоотношениями, которые устанавливались между властью и имущими и подвластными, эмоционально-окрашенные представления-характеристики власти входили в область веры, доверия к последней. Этот климат зачастую и определяет оценку качеств власти. Подкрепляясь обыденным опытом политики властвующей элиты, подобные оценки превращались в устойчивые стереотипы, существовавшие веками и имеющие хождение и в наше время.

Доверие к власти в социальной психологии позволяет опираться на определенные механизмы в управлении социально-политическими процессами, их преобразовании, способно играть важную роль в жизни общества. Среди этих механизмов взаимодействия общества в процессе реализации социально-психологических отношений в области доверия к власти можно выделить внушение, убеждение, подражание и так далее. Внушение представляет собой эмоционально-волевой способ воздействия на сознание людей, когда активность субъекта внушения определяет степень усвоения содержания информации. В процессе внушения информация предлагается без должного обоснования, она дается непосредственно. Доверие к источнику информации складывается на основе яркости, наглядности образа, факта, примера и т.п.

Внушение опирается на авторитет, который характеризуется как ненасильственным влиянием (путем примера, лучшего знания, опыта и так далее) на людей, так и добровольным подчинением ему людей. В авторитете преобладают эмоционально-волевые стороны сознания: доверие, уважение, стремление следовать носителю авторитета, принимать его взгляды.

Также важнейшим механизмом выступает убеждение, воплощающее осознание обществом личной значимости определенных идей, существующих в пространстве власти, их внутреннее принятие и переживание, а также готовность поступить в соответствии с ними. Общество побуждают к принятию субъекта властных отношений в качестве легитимного, относить последний к объекту веры благодаря идеям, соответствующим потребностям и интересам общества, авторитету источника, от которого они исходят. Те или иные идеи и взгляды становятся внутренней убежденностью людей по мере того, как они выступают инструментом ориентации людей в материальной и духовной деятельности.

Доверие к власти, основанное на убежденности, включая оценочные отношения к отражаемому феномену, выступающее как чувство уверенности в правильности оценки явлений политической действительности и знаний о них, в правильности своих действий, формирует субъективную готовность действовать в соответствии с этой убежденностью, выступая волевым ее компонентом. По мнению И.А. Ильина, для того чтобы «формальная причисленность к государству не оставалась пустой и мертвой видимостью, но была наполнена в душе гражданина живым чувством, лояльной волею, духовной убежденностью, необходимо, ...чтобы гражданин жил интересами и делами своего государства» [8].

Во внутреннем мире индивида, характеризующимся непосредственной очевидностью, интуитивной достоверностью, синкретичностью социальной психологии, восприятие власти через доверие к последней органично связано с моральным, нравственным измерением политических процессов. «Этическим», по мысли М. Вебера, социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная вера людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом «хорошего» в нравственном отношении. Мораль, выступая в качестве определенной формы общественного сознания, отражает отношения людей в категориях добра и зла, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного и т.п., тем самым закрепляя в форме нравственных идеалов принципов, норм и правил поведения требования, предъявляемые обществом или его частью к носителю власти.

Нравственные нормы создают своеобразный кодекс правил политической игры, способствуя становлению политического порядка и функцио-

нирования власти в интересах общества. Об этом М. Вебер во фрагменте «Понятий легитимного порядка» писал следующее: «содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо определенные максимы». Властное общение образует собственно сферу политического пространства, директивного властвования и встречного заявления, поскольку моральные ценности и нормы дают возможность всем социальным силам, участвующим в политическом процессе, оценивать ситуацию, а также формировать определенные стереотипы властных структур.

В изучаемом пространстве власть управляющих проявляется в форме господства и управления, тогда как влияние управляемых проявляется в виде, с одной стороны, подчинения (иногда и неподчинения) государственному аппарату, а с другой, как активное давление на него «снизу».

Таким образом, общество, оценивая функционирование власти в категориях нравственного сознания, само его и охраняет, направляя деятельность власти в соответствии с социальными интересами. Складывающиеся властные отношения отражаются и закрепляются в общественном сознании в виде определенных норм и правил поведения, выполнение которых как носителем власти, так и каждым индивидом необходимо для сохранения социального сообщества, укрепления его жизнеспособности и единства.

Моральное сознание есть также форма познания общественных отношений, определенный элемент культуры. Моральное осознание политической власти исторично, претерпевает определенное развитие, эволюцию. Мораль суммирует и обобщает опыт политических, властных отношений, выражая его в виде определенных норм и правил поведения. Нравственное осознание власти в обыденном сознании, социальной психологии эмоционально окрашено. Нормы морали могут стать действенной основой поведения человека, когда они не просто доведены до его сознания, но

стали органическими чертами его характера, воплотились в его чувства, стали для него привычными нормами поведения, а значит и ответной реакцией на действия власти.

Следовательно, моральный фактор играет важную роль в деятельности человека. Последняя, бесспорно, детерминирована существующими социальными условиями. Но поскольку человек – сознательное существо, то в данных условиях он может поступить по-разному. В отборе линии поведения как носителя власти, так и объекта властных отношений значительную роль играет субъективный фактор, индивидуальность человека, обладающего свободой выбора, свободой воли.

Литература

1. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. 2000. - №1
2. Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис, 2000. - № 4,
3. Хайдеггер М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер. - М., 1993.
4. Подорога В.А. Бессознательное власти // Бюрократия и общество. - М., 1991.
5. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. - М., 1992.
6. Козлова Н.Н. Социализм и сознание масс. - М., 1989.
7. Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. - М., 2003.
8. Вебер М. Типы легитимного порядка: условность и право. - М., 1990.

Literature

1. Ledyayev V.G. Power: the conceptual analysis // Polis. - 2000. - № 1.
2. Presnyakova L.A. The structure of personal perception of the political power // Polis. - 2000. - № 4.
3. Heidegger M. Art and space. - M., 1993.
4. Podoroga V.A. The unconscious of the authorities. - M., 1991.
5. Stepin V.S. Philosophical anthropology and philosophy of science. - M., 1992.
6. Kozlova N.N. Socialism and consciousness of the masses. - M., 1989.
7. Burdieu P. Political ontology of Martin Heidegger. - M., 2003.
8. Weber M. Types of a legitimate order: convention and the Law. - M., 1990.

Сведения об авторе

Никифоров Александр Анатольевич - аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета.

Data on author

Nikiforov Aleksandr Anatolievich - post-graduate of philosophy department of Buryat State University.

УДК 417.311
ББК 87.3(082)

И.С. Болдонова

ГЕРМЕНЕВТИКА УСТНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье говорится о герменевтическом подходе философии коммуникации применительно к анализу устного дискурса межличностной коммуникации. Предметом исследования являются этапы диалога: произнесение высказывания, слушание, интерпретация и понимание, а также аппликация (применение). В статье выделяется значимость